

Алармист, паникёр, тревожник

© О. А. ДУБКОВА,
кандидат филологических наук

Современному читателю понятно лишь слово *паникёр*, а между тем все это три слова – родственники по своей семантической сути. *Алармист* и особенно *тревожник* – давно вышли из употребления. Причину этого следует искать в истории не отдельного слова, а целого исторического словообразовательного гнезда, раскрывающего некоторые особенности как происхождения слова, так и его существования в языке.

Слово *тревожник* фиксирует в 1771 году “Российский Целлариус” Франциска Гелтергофа наряду с существительным *тревога*, прилагательным *тревожный* и глаголом *тревожить* [1. С. 533]. Слово *тревожник* можно назвать редким, так как ни один словарь XIX–XX веков, кроме Словаря В.И. Даля [2. Т. IV], его не фиксирует.

Заметим, что в Словаре В.И. Даля слово *тревожник* употребляется как русский эквивалент иноязычного слова *алармист*, а также в гнезде *тревога* с толкованием “кто тревожит кого-либо, не дает покою” [2. IV].

Первым шагом к вытеснению слова *тревожник* из употребления было появление заимствованного слова *аларм*.

Различные варианты слова *аларм* находят отражение в письменных источниках с начала XVIII века. Так, в форме *альярм* слово встречается в письме Б.П. Шереметева, датированном 1709 годом: “А когда неприятель с пехотою будет на нас наступать и с того Полтава ползу может получить, также и в то время от шанцов возможно немалой *альярм* и диверсию учинить неприятелю” [3]. Вариант *алларм* можно найти на страницах “Ведомостей” (1710 г.): “Из того места город во всю зиму бомбордировати, и... тем осаженных всегда во *алларме* держати” [4].

По словарным источникам, слово *аларм*, пришедшее из французского или немецкого языков, куда оно попало из итальянского, где *all' arme* означает “к оружию” и представляет собой сращение предлога *à* “к” и артикля женского рода *la* с существительным *arme* “оружие” [5].

В лексикографических источниках существительное *аларм* фиксируется в седьмом присовокуплении “Словаря иноязычного...”, к “Российской универсальной грамматике” Н.Г. Курганова (1769 г.), где “*Аларм*, тревога, сполох” [6]. “Новый словотолкователь...” Н.М. Яновского отражает метонимический перенос результата действия (сбор) на само действие: “АЛЛАРМ, фр. Сбор солдат в крепости, или стане при нечаянном неприятельском наступлении и нападении” [7. Ч. I].

В “Словаре русского языка XVIII в.” слово *аларм* дополняется глаголом *алармировать* со значением “беспокоить внезапным нападением”, “тревожить, беспокоить, пугать”, восходящим к немецкому слову *alarmieren*, а также отглагольным образованием *алармирование* [8]. Оба слова отражаются в письменных источниках второй половины XVIII века, например в письме графа М.П. Бестужева-Рюмина от 18 марта 1753 года встречаем: “... но как и кроме того почти безпрестанно продолжающиеся пустыя негоциации не токмо своих соседей, но и весь свет напрасно *алармируют*” [9]; а также в приказе А.В. Суворова от 1787 года: “Казакам противную сторону зимою можно *алармировать* и схватывать языки...” [10. С.9]. Правда, ни в одном другом толковом словаре русского языка глагол *алармировать* не зафиксирован, также его нет и в работе Н.С. Авилевой, посвященной глаголам с заимствованной основой, в том числе и на *-ировать* [11].

Употребление отглагольного существительного *алармирование* единично. Оно встречается на страницах переписки А.В. Суворова в 1787 году: «Вашей светлости вчера имел честь донести, чрез экстракты, о ночном *алармировании* от “Десны” Очакова и флота...” [10. С. 36]. Возможно, данное отглагольное образование можно назвать индивидуально-авторским, так как оно встречается в речи одного человека, А.В. Суворова, употреблено в одно время и в одном произведении.

Интересующее нас слово *алармист* в лексикографических источниках встречается впервые в форме множественного числа *алармисты* в 1835 году: “АЛАРМИСТЫ (*Alarmistes*, от *alarme* тревога); так называются вестовщики, причиняющие беспокойство, недоумение и расстрой-

ство в государстве умышленным распространением ложных и вредных слухов” [12].

В нынешней форме слово фиксируется в 1861 году: “Алармист, фр. Распускающий неприятные слухи и пугающий тем общество” [13]. Форма женского рода *алармистка* отмечено в 1891 году [14]. К сожалению, ни один лексикографический источник не подтвердил примером из текста реальное употребление данного слова. Возможно, *алармистка* было создано как потенциальное образование, но так никогда и не употреблялось.

На русской почве от существительного *аларм* образуется прилагательное *алармный*, попавшее в лексикографические источники в виде устойчивого словосочетания *алармные аппараты* [15]. В “Словаре русского языка” Академии наук СССР у данного словосочетания появляется помета *техн.* [16], а в “Словаре современного русского литературного языка” оно толкуется как “аппараты, предупреждающие об опасности (в сигнализации)” [17]. От существительного же *алармист* – производное *алармистский*, встречается в Словаре Д.Н. Ушакова [18. Т. I.] и так же без конкретных текстовых примеров.

Интересно, что в различных толковых словарях русского языка слова с основой *аларм(а)* отражаются с разными пометами: как *книжные газетные* [18. Т. I.]; *книжные устаревшие* (слова *алармист*, *алармистский*) [19]; *устаревшие разговорные* [20]. В последней помете – *устаревшие разговорные* – содержится противоречие: так как если слово устарело, то и в живой речи оно не употребляется.

Словообразовательное гнездо с основой *аларм* в истории языка претерпело ряд изменений. Исторически самостоятельно заимствованные и освоенные русским языком существительные *аларм* и *алармист* на почве принимающего языка стали соотноситься, что привело к восприятию слова *алармист* как образованного на русской почве от слова *аларм*.

Следует сказать, что в современном языке слова с основой *аларм* вышли из употребления. Но в Интернете можно найти более полутора тысяч страниц, содержащих слово *аларм* в названиях предприятий, связанных с охранной сигнализацией. Вот несколько примеров: *Аларм Центр* – автосервис, в котором можно установить и автосигнализацию; НТ ЗАО “*Аларм*”, разрабатывающий системы охранно-пожарной сигнализации и т.д. Возможно, это связано с модой на иностранные слова, которые довольно часто встречаются в наименованиях организаций/предприятий, или с особенностями языка бизнеса и рекламы, отличающегося бездумным заимствованием чужих слов, или слово *аларм* обретает вторую жизнь в русском языке?

Слово *тревожник* было в XIX веке вытеснено словом *алармист*, которое сейчас также ушло в прошлое, будучи вытесненным словом *паникёр*. Появление *паникёра* на русской почве относится к 20-м годам

XX века. Так, С.И. Карцевский в 1923 году отмечал словообразование при помощи суффикса *-er/-ёр* – *паникёр* и толковал его как “возбудитель паники по трусости” [21].

В общих словарях слово *паникёр* фиксируется с 1939 года, в Словаре Д.Н. Ушакова: “ПАНИКЁР, а, м. (неодобрит.). Человек, легко поддающийся панике, распространяющий тревожные слухи” [18. Т. III].

В отличие от существительного *алармист*, являющегося заимствованием, слово *паникёр* было образовано на русской почве при помощи суффикса *-ёр* (С.И. Карцевский [21], П.Я. Черных [22. Т. II]).

История слова *паникёр* начинается с проникновения в русский язык устойчивого французского словосочетания *terreur panique*. Так, в письме императрицы Екатерины II генералу Александру Ильичу Бибикову от 20 октября 1771 года читаем: “Что же он [граф Орлов] в Москве по слову сделал, о том при сем прилагаю, из чего усмотрите, кто с ним туда отправился, ибо там до его приезда все, получа *Terreur Panique* от язвы, по норам расползлись, но теперь паки возвратились по местам” [23. С. 171]. Словосочетание *terreur panique* употреблено здесь без перевода, видимо, по причине хорошего знания французского языка в XVIII веке. Однако во втором издании “Записок...” (1865 г.) словосочетание *terreur panique* уже имеет сноску – перевод на русский язык “панический страх”.

В начале XIX века французское словосочетание *terreur panique* закрепилось на русской почве в виде полукальки *панический страх*: “ПАНИЧЕСКИЙ. Слово Латинское, употребляется только с существительным *страх*, *ужас* и значит пустой, внезапной и безпричинной страх. Греки приписывали богу своему Пану начало того нечаянного страха, коего причина не известна. Таким-то образом войско Бренн, военачальника Галлов, обратилось в бегство. Но Плутарх и Полиен приписывают начало сего слова Пану Египетскому. По словам первого Паны и сатиры, устрешенные смертию Озириса, убитого Тифоном, наполнили воем своим все берега Нила; и с тех пор назвали страх Панический, тот нечаянный и пустой страх, который приводит в испуг...” [7. Ч. 3]. В данном словосочетании прилагательное *панический* употреблялось долго: “Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке *панического страха*, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами” [24. С. 313]; “Панический страх, *паника* ж. греч. внезапный, безотчетный, бессмысленный, безразсудный и неодолимый” [2. Т. III].

Интересно, что и во французском языке употребляется преимущественно устойчивое словосочетание *terreur panique*, что отражается, например, в “Полном французско-русском словаре” Ивана Татищева, где в русской части присутствует слово *панический*: “*Panique*, *adj.* *Terreur panique*, Панической, пустой, незапной и безпричинной страх” [25].

Прилагательное *панический* восходит к слову *panique*, которое во французском языке употребляется как существительное *паника*, так и

прилагательное *панический*. Таким образом, на русской почве французское прилагательное *panique* было освоено с помощью русского суффикса *-ск(ий)*.

Существительное *паника* появляется в русском языке гораздо позднее прилагательного *панический*, и так же во французском облике. Так, в письме Матвея Волкова от 15 марта 1848 года читаем: “Меняла отвечает, что сегодня испуг (*panique*) превосходит все, что было до сих пор, но что причины его не знает” [26]. Здесь слово *испуг* употребляется в том же значении, что и французское *panique*. Вполне возможно, что последнее является вторичным заимствованием в качестве существительного.

В лексикографических источниках слово *паника* встречается как отсылочное к сочетанию: “Панический страх (*фр.* *panique*, *terreur panique*, *англ.* *panic*), *гр.-рус.* Внезапный шум, испуг ли ужас, всеобщее беспричинное смущение” [27]. Вероятно, данное толкование подходит как для словосочетания *панический страх*, так и для существительного *паника*.

Размышляя о причине образования существительного *паника*, Ю.С. Сорокин пишет: “Перед нами типический случай так называемой фразеологической конденсации, когда опорное слово сочетания принимает на себя основную силу смысла всего выражения. В результате этого и является сущ. *паника* (*франц.* *panique*)” [28]. Но не исключено, что оно представляет собой самостоятельное заимствование из французского языка. Тем не менее, соотнесение на современной почве слов *паника* и *панический* привело к производности прилагательного от существительного и к изменению словообразовательного средства: вместо исторического суффикса *-ск(ий)*, вводящего иноязычное *panique* в русский язык, в прилагательном начал выделяться суффикс *-ск(ий)* с чередованием в корне *к/ч*.

Нововведением XX века, наряду со словом *паникёр*, стал и глагол *паниковать*, отмеченный, например, на страницах трилогии В.П. Беляева “Старая крепость” (1937–1951 гг.): “Я почувствовал, как у меня подкашиваются ноги. Денег в боковом кармане не было! – Спокойно, спокойно, – говорил я себе. – Главное, не паниковать”. В 1952 году глагол *паниковать* попал и в лексикографические источники.

Литература

1. Гельтергоф Фр. Российский Целлариус. М., 1771.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1866.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 926.
4. Ведомости времени Петра Великого. М., 1906. Вып. 2. С. 36.
5. Этимологический словарь русского языка. М., 1963. Т. I. Вып. 1. С. 73.

6. *Курганов Н.Г.* Российская универсальная грамматика. СПб., 1769. С. 382.
7. *Яновский Н.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... В 3 ч. СПб., 1803–1806.
8. Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып. 1.
9. Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 87.
10. Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. IV.
11. *Авилова Н.С.* Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой). М., 1967.
12. Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. I.
13. Полный словарь иностранных слов. СПб., 1861.
14. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1891. Т. 1. Вып. 1.
15. Новый энциклопедический словарь. Под общей ред. К.К.Арсеньева. СПб., 1911. Т. I.
16. Словарь русского языка. Л., 1933. Т. I. Вып. 2.
17. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.–Л., 1948. Т. 1.
18. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
19. Словарь русского языка. М., 1957. Т. 1.
20. Большой академический словарь русского языка. М.–СПб., 2004. Т. I.
21. *Карцевский С.И.* Язык, война и революция // Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 258.
22. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
23. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. СПб., 1817.
24. *Пушкин А.С.* Начало биографии // Полн. собр. соч. М.–Л., 1949. Т. 12.
25. *Татищев И.И.* Полный франко-российский словарь. СПб., 1816. Ч. II.
26. Волков Матвей. Отрывки из заграничных писем. СПб., 1857. С. 500.
27. Полный словарь иностранных слов. СПб., 1861.
28. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.–Л., 1965. С. 156.